

Попов Алексей Владимирович

СПЕЦИФИКА МАГИИ КАК ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

В статье анализируются характерные черты магии как одной из форм религиозного сознания. Основное внимание уделено признакам, позволяющим показать существенное различие между магическим сознанием и другими формами религиозного сознания. Продемонстрировано, что одной из важных особенностей магии является заимствование отдельных доктринальных элементов у иных религий с приданием им нового смыслового содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 122-126. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

женщины, но глубина состояния» [Там же, с. 135], «мы всегда живем в совершенном неведении относительно того, что любим» [Там же, с. 121]. В ходе рассуждений М. К. Мамардашвили приходит к выводу о том, что любовь является «элементом все время возобновляющегося, возобновляемого и поддерживаемого судорожного единства с самим собой» [Там же, с. 110]. Таким образом, «троп связанного пространства мышления» [2, с. 30] М. К. Мамардашвили ведет нас от фундаментального одиночества через тонус любви, а значит перманентное усилие возобновления её, к единению с самим собой, и круг замыкается.

Подводя итог, следует отметить, что М. К. Мамардашвили выводит не только особые законы патематики, но дедуцирует стержневые экзистенциалы, целый ряд предельно емких и корректных тропов «геометрии духа», которые, несмотря на их универсальность (преложимость абсолютно к любому индивиду), являются настолько личными, что не терпят никакой кооперации и эксплицируют невозможность их отложить или кому-то делегировать.

Список литературы

1. **Кругликов В. А.** Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили: научные статьи и дискуссии. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1994. 240 с.
2. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1992. 410 с.
3. **Мамардашвили М. К.** Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: AD MARGINEM, 1995. 547 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.

“PATHEMATICS” OF LOVE IN M. K. MAMARDASHVILI’S PHILOSOPHY (“LECTURES ON PROUST”)

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University
p_yanina@mail.ru

On the basis of “Lectures on Proust” by M. K. Mamardashvili the article analyzes the principles of amorous “pathematics” (the term introduced by the philosopher). M. K. Mamardashvili considers pathematics as knowledge guiding a human being in his/her spiritual search, promoting the interpretation of the subject’s internal life developing according to certain principles. Among the “pathematics” laws M. K. Mamardashvili identifies the following ones: the law of fundamental solitude, the non-substitution of particular individuals, the indifference of the matter of an object of love and the law of revival.

Key words and phrases: pathos; pathematics; love; passion; M. K. Mamardashvili’s philosophy.

УДК 133.4; 291.33

Философские науки

В статье анализируются характерные черты магии как одной из форм религиозного сознания. Основное внимание уделено признакам, позволяющим показать существенное различие между магическим сознанием и другими формами религиозного сознания. Продемонстрировано, что одной из важных особенностей магии является заимствование отдельных доктринальных элементов у иных религий с приданием им нового смыслового содержания.

Ключевые слова и фразы: магия; магическое сознание; религиозное сознание; религиозный опыт; сверхъестественное.

Попов Алексей Владимирович, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
teorel@mail.ru

СПЕЦИФИКА МАГИИ КАК ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Прежде чем анализировать специфику магии как одной из форм религиозного сознания необходимо уточнить, какое именно значение имеет понятие «магия». Но любая попытка сформулировать определение данного понятия неизбежно ведет к ряду проблем. Одна из важнейших состоит в том, что такие исследователи феномена магии, как Дж. Фрэзер, Л. Леви-Стросс, К. Леви-Брюль, Б. Малиновский, уделяли внимание в основном изучению феномена магии в примитивных обществах, фактически игнорируя магические взгляды, возникшие в Средние века и тем более в XIX-XX веках. Так, без должного внимания при исследовании феномена магии остались такие известные авторы работ по магии конца XIX – начала XX века, как Э. Леви, Ж. Анкос. В середине XX века можно заметить рост интереса к магии, вследствие чего различные магические воззрения и практики легли в основу западного неоязычества (например, различные викканские течения), а также составили доктринальный базис ряда сатанинских культов [4; 15]. Поэтому при исследовании феномена

магического сознания нельзя игнорировать таких исследователей как Филипп Боневитс (P. E. I. Bonewits), Скотт Каннингхэм (Scott Cunningham), которых можно считать одними из ведущих теоретиков в области неоязыческой магии. Возникает парадоксальная ситуация, когда изучение магического сознания практически исключает из анализа непосредственных носителей магического сознания. В данной статье будут рассмотрены различные теоретические подходы к магии, для того чтобы продемонстрировать многогранность данного феномена и выявить характерные черты магического сознания.

Магия – одна из наиболее ранних форм религии, хотя один из пионеров исследования магии Дж. Фрэнгер рассматривал ее как внерелигиозную форму мышления. Свою концепцию он сформулировал следующим образом: «...под религией я понимаю умилоствление и умиротворение сил, стоящих выше человека, которые, как считается, направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни» [13, с. 54]. В магии течение различных природных процессов обуславливается не деятельностью каких-то сверхъестественных существ, а результатом действия определенных законов природы. Даже учитывая тот факт, что магия направлена на определенное взаимодействие со сверхъестественными существами, поступают с ними точно так же, как и с неодушевленными силами. Если религия, даже в первобытной форме, стремится умилоствить духов, то магия стремится принудить их. Таким образом, одной из базовых особенностей магии является предположение, что все существа (неважно – являются ли они людьми или сверхъестественными существами) зависят от безличных сил, и этими силами колдун, знахарь или чародей может распоряжаться. Дж. Фрэнгер считает, что магическое сознание опирается на два основных принципа [Там же, с. 18-19]. Согласно первому – следствие должно быть похоже на свою причину или подобное должно производить подобное. Вторым принципом можно сформулировать следующим образом: любые предметы, которые однажды находились во взаимодействии друг с другом, продолжают иметь между собой связь и после прекращения непосредственного контакта. Согласно Фрэнгеру, первый принцип магии можно называть законом подобия, а второй – законом заражения или соприкосновения. Из этих законов рождаются два типа магии – гомеопатическая и контагиозная. Данные типы магии Фрэнгер связывает в понятие «симпатической магии», так как оба случая допускают, что благодаря «симпатии» предметы могут влиять друг на друга, даже находясь на расстоянии. Изучая особенности магии и ее проявления на практике, Фрэнгер заключает, что магия является системой искаженных процессов поведения и ложных законов природы, «это, одновременно, и ложная наука и бесплодное искусство» [Там же, с. 19].

По мнению английского антрополога Э. Тайлора [9, с. 94], магия возникает естественным образом и в соответствии с определенным умственным законом, основание которого состоит в принципе ассоциации идей и носит символический характер. Данный принцип заключается в том, что любые предметы, которые хоть раз были в контакте, продолжают влиять друг на друга на значительном расстоянии. По мнению Тайлора, основу магического сознания составляет ложное представление о том, что мысленная ассоциация каких-либо предметов должна предполагать аналогичную связь в действительности.

Значительный вклад в изучение специфики магии был внесен известным английским антропологом Б. Малиновским. Именно им была сформулирована гипотеза о врожденности магического сознания. Малиновским была предложена довольно оригинальная трактовка магии: «Магия – это и есть свойство самого объекта, точнее отношения между этим объектом и человеком, отношения, которые не создаются человеком, но существуют для человека» [5, с. 89]. Практическая работа мага состоит в том, чтобы сделать данные отношения актуальными для того, чтобы иметь возможность применить их в своих личных или общественных целях. Для воплощения поставленной задачи маг должен провести серию «экспериментов». Это необходимо для того, чтобы, один раз получив искомый результат, возможно случайный, его можно было закрепить формулой, повторяя которую аналогичного результата можно было бы достичь в случае необходимости. По мнению Б. Малиновского, магия позволяет при помощи нефизических средств добиться практических результатов, религия прибегает к нефизическим средствам для того, чтобы добиться непрактических результатов, наука использует физические средства для достижения практических результатов. Следовательно, можно утверждать, что магия представляет собой некий промежуточный феномен между религией и наукой.

По мнению румынского ученого А. Танасе, в магии выражается донаучный опыт культурной эволюции человечества. По его мнению, магия является первоначальной формой выражения связи человека с окружающей действительностью, попыткой преодоления присущей человеку слабости перед явлениями природы, а также утверждения иллюзорной власти над ней [10, с. 30]. То есть если теистические формы религии ставят вопросы о посмертной судьбе человека, рае и аде, моральной ответственности, то магия лишена подобной проблематики, поскольку ориентирована исключительно утилитарно.

Среди отечественных ученых одним из первых исследователей магии можно считать С. А. Токарева. Основания магии, по его мнению, необходимо искать в сфере психологии. «Понятие “магия” есть общее обозначение многочисленных и весьма разнообразных обрядов и соответствующих поверий. То общее, что объединяет их... есть в сущности лишь психологическое содержание магических представлений, идея способности человека воздействовать сверхъестественным образом на явления внешнего мира» [11, с. 501-502].

В трудах авторов, которых можно отнести к различным неоязыческим течениям, можно обнаружить подобные определения: «магия – это направление природной энергии на достижение нужного результата» [16, р. 46]; «магия – наука и искусство вызывать изменения в соответствии с волей, используя средства, не признаваемые традиционной наукой» [3, с. 9]. Одним из наиболее оригинальных определений является следующее: «Магия – наука и искусство составления системы понятий и методов для накопления эмоций и изменения электрохимического равновесия организма, с использованием ассоциативных методик и приспособлений

для концентрации и фокусировки эмоциональной энергии. Энергия, излучаемая человеческим телом, модулируется с целью воздействия на иные энергетические схемы, как одушевленные, так и неодушевленные, а иногда и для воздействия на собственные энергетические схемы. Магия является одним из способов контроля над пси-феноменами» [1, с. 283]. Целью статьи не является детальное рассмотрение современных концепций магии, но они, бесспорно, представляют значительный интерес при анализе эволюции магических концепций. В данной работе будет использоваться следующее определение магии: магия – это совокупность представлений и обрядов, связанных с верой в возможность сверхъестественным образом влиять на явления природы, живых существ и духовных сущностей.

Таким образом, специфика магии как формы религиозного сознания при более подробном анализе оказывается более разнообразной, чем ее традиционные толкования. Существовая длительное время, магия продолжает эволюционировать, принимая разнообразные и зачастую причудливые формы. В связи с этим анализ магии как специфической формы религиозного сознания представляет значительный интерес в рамках изучения эволюции религии.

Для исследования магии как одной из форм религиозного сознания (в дальнейшем – магическое сознание) будут применяться объективные и субъективные критерии сравнения религиозных сознаний. Это даст возможность более детально проанализировать специфику восприятия действительности носителем магического сознания.

Онтологическая природа сверхъестественного в магическом сознании в большинстве случаев носит теистический характер. Во многих магических доктринах сверхъестественный мир детально разработан. Это особо заметно в магических доктринах, базирующихся на каббалистических концепциях, которые часто встречаются в различных средневековых гримуарах. В них можно обнаружить огромное количество ангелов, демонов, духов, каждый из которых имеет определенные качества и ответственен за определённые сферы жизни. Один демон топит корабли в море, другой – поджигает посевы на полях, третий – насылает на людей различные болезни. Также в книгах типа «Гримуар Гонория», «Магия Арбателя» и т.п. содержатся в большом количестве различные заклинания, которые направлены на подчинение демонов.

Возможность активно влиять на жизнь сверхъестественных существ оказала воздействие на особенности координации в магическом сознании естественного и сверхъестественного. Александр Мень очень точно подметил специфику данного соотношения: «Когда мы говорим слово “магия”, оно невольно ассоциируется у нас с чем-то таинственным, мистическим. Кажется, что магия непременно принадлежит сфере “сверхъестественного”. Но так происходит потому, что мы связываем магию с представлениями, сильно отличающимися от воззрений первобытного человека... для него резкой границы между сверхъестественным и естественным не существовало. Мир был един, и силы видимые переплетались в нем неразрывно с невидимыми...» [6, с. 51-52]. Отсутствие отчетливой демаркации между естественным и сверхъестественным можно встретить не только в колдовских воззрениях первобытных людей, но и во многих современных магических концепциях. Маг не ждет какой-то милости от сверхъестественного, а, наоборот, пытается с помощью определённых ритуальных действий вынудить духов и демонов стать исполнителями его воли, и именно поэтому граница между сферами оказывается довольно условной.

При рассмотрении вопроса о соотношении положительного и отрицательного в сверхъестественном неизбежно возникает ряд проблем. Во-первых, соотношение добра и зла в сверхъестественном находится в прямой зависимости от базовой религиозной традиции. Так, если это магическая практика, которая активно использует иудаистские или христианские элементы, то достаточно отчетливо проявляется дихотомия боготворца и дьявола. Если в качестве базовой традиции выступает язычество, то положительные и отрицательные качества проявляются как различные черты одной и той же сверхъестественной сущности. Во-вторых, в магических воззрениях первобытных народов отсутствует представление об абстрактном добре и зле. В данном случае говорить об аксиологической двойственности вообще не представляется возможным.

Можно выделить три основные функции, осуществляемые сверхъестественным, – креативная, деструктивная и сотериологическая. Если первые две в магическом сознании встречаются довольно часто, то сотериологическая функция почти не выражена. Это связано с тем, что область практического использования магии ограничена природным миром, являясь способом воздействия на ход естественных событий. Поэтому у верующего человека в утилитарных аспектах доминирует магическое сознание, а когда начинается размышление о посмертном воздаянии, то доминантным становится уже религиозное сознание: «...баба, ходившая “снимать килу” к колдуну, не чувствует себя согрешившей; она с чистым сердцем будет после этого ставить свечи в церкви и поминать там своих покойников. В ее сознании Церковь и колдун просто разные департаменты, и Церковь, властная спасти ее душу, не может спасти ее от дурного глаза, а колдун, лечащий ее ребенка от криксы, не властен молиться за ее умершего мужа» [12, с. 174].

Значительное отличие магического сознания от религиозного проявляется в субъективных критериях сравнения. Например, в магическом сознании в большинстве своем отсутствует представление о какой-то конечной религиозно определяемой цели, например спасении души или достижения нирваны. Это объясняется прагматизмом магического сознания, как было сказано выше, ориентированного на решение проблем мира естественного. Религия, в отличие от магии, имеет дело не столько с конкретными проблемами повседневной жизни, сколько с фундаментальными проблемами человеческого существования, определяет его место в космосе и постулирует определенную конечную цель, которая может находиться в расплывчатом будущем. Б. Малиновский в качестве иллюстрации приводит сравнение обряда, который совершается в целях отпугивания смерти от колыбели ребенка, с церемонией празднования рождения ребенка. Первый ритуал является действием, направленным на достижение

определенного результата и имеет исключительно прикладное предназначение, которое хорошо известно участникам данного обряда. Обряд, который совершается сразу после рождения, условно можно назвать «представление новорожденного», не имеет какой-то определенной цели. То есть сам ритуал является самоцелью. «В то время как в магическом действе лежащие в основе его идея и цель всегда ясны, четки и определены, в религиозной церемонии нет направленности на последующие события» [5, с. 39-40].

Магическое сознание значительно отличается от теистического религиозного сознания специфической концепцией роли индивидуальной воли в религиозном действии. «Вторая сторона колдовской пирамиды – сила, называемая “воля”... Воля – это требование магии... Это воля ребенка, который не выносит возражений и нагло, взглядом василиска, пристально смотрит на любую попытку сопротивления его воле» [3, с. 278]. Значение индивидуальной воли в магии обуславливается определёнными практическими соображениями, поскольку именно сила воли определяет успешность деятельности мага. Стремлением развить волю можно объяснить ту жестокость, с которой осуществляется посвящение в колдуны у некоторых народов, поскольку только человек, обладающий нечеловеческой волей, может управлять духами, заставлять их повиноваться себе. В качестве примера инициации колдуна можно привести церемонию посвящения мальчиков в ученики колдунов (нгомбо), которая была зафиксирована в долине Убанги в Бельгийском Конго. Проводилась церемония утром в пальмовой роще. Главный колдун (нгомбо ятсексуки), которого несли на плечах двое местных жителей, появился из рощи в окружении около дюжины рядовых колдунов, которые вели себя словно безумные. Мужчины селения танцевали, образовав круг, в центре которого был нгомбо. Позже в круг вступает глава деревни (лемба), который обращается к окружающим, и множество ревущих голосов ему отвечает. Из темноты появляются мальчики-послушники. У входа в хижину разводится костер, в который бросаются зеленые ветки для создания плотного дыма. Мальчики-послушники входят в хижину. Спустя двадцать минут, едва не задохнувшись от дыма, они пытаются из нее выйти, но мужчины, оставшиеся снаружи, загоняют их обратно в хижину. Через небольшой промежуток времени мальчиков в полубессознательном состоянии выводят из хижины на открытое место [7, с. 119]. Данный ритуал является хорошей иллюстрацией формирования воли колдуна, с помощью которой он сможет подчинять себе различных духов.

Отличительной чертой магического сознания является отсутствие сформированных представлений о регламентирующих действия человека нормах и принципах. Но в связи с тем, что магия заимствует из иных видов религиозного сознания отдельные элементы, аналогичная ситуация наблюдается и в отношении этических норм. Так, в первобытных обществах это может принимать форму табу. В неоязыческих доктринах доминирующая этическая норма является своеобразной интерпретацией «золотого правила нравственности» и называется викканским наставлением (wiccan Rede) – «Не принося никому вреда, делай то, что желаешь» [2, с. 105]. Но формулировка нравственных норм в рамках магического сознания является исключением из правил, так как большинство магических доктрин вообще не касается вопросов этики.

Если большинство религиозных сознаний может быть отнесено к одному из трех типов религиозного опыта – нуминозному, теистическому и мистическому, то магическое сознание не может быть соотнесено ни с одним из них. И в то же самое время можно утверждать, что магия может использовать все три типа. Это можно объяснить тем, что магия может сосуществовать с различными религиями, заимствуя у них вероучение и мифологию. Но если убрать все эти наслоения, то магия предстает в виде довольно однообразного набора техник и методик. Как пишет Б. Малиновский в своей работе «Магия, наука и религия», «примитивная магия... крайне рутинна и невыразительна... Запомнив один ритуал, выучив одно заклинание, затвердив принципы магических верований, вы узнаете не только все действия одного племени, но и, внося незначительные изменения, сможете устроиться колдуном или знахарем в любой части света, чьи обитатели достаточно наивны и будут верить этому незамысловатому искусству» [5, с. 71].

В магическом сознании невозможно однозначно отделить концептуальный уровень от обыденного, религиозную идеологию от религиозной психологии. Это можно объяснить тем, что в магии основной акцент делается на практике, а не на теории. Здесь нет догматики, которая предусматривала однозначные решения. Главное содержание магии – различные прикладные техники и методики, а не догматы и откровение. «Прикладное искусство магии имеет ограниченные технические приемы: заклинание, ритуал и условия, в которых действует маг, являются ее банальным триединством. Религия не имеет таких простых технических приемов» [Там же, с. 101]. Магическое сознание ориентировано на практику, а поэтому по своей сути довольно просто. Здесь нет необходимости детально разрабатывать теогонию и космогонию, поскольку их можно позаимствовать у той или иной религии, поэтому больше внимания уделяется заклинаниям и ритуалам. Можно сказать, что магическое сознание функционирует на протяжении тысяч лет как парадоксальное единство, в котором сочетаются обыденная религиозность и религиозная идеология.

Таким образом, магическое сознание является специфическим религиозным феноменом, который значительно отличается от иных форм религиозного сознания. Это проявляется при компаративном анализе характеристик магического сознания. В некоторых аспектах можно утверждать, что магия зачастую выходит за границы религиозного сознания. «Магия доставляет нечто вроде профессионального удовольствия процессом профанации священных вещей, в обрядах она является противовесом религиозным церемониям» [8, с. 538]. Если базисом большинства религий является соответствие поведения верующего существующим догмам, то основу магии составляет принцип «покорения» сверхъестественного. «Поэтому религию можно рассматривать как систему внешних правил, установленных кем-то другим, но не самим верующим. А магию необходимо рассматривать как систему правил, созданную магом, но не просто как систему правил, а как правила, отражающие

личный опыт самого мага и направленные на установление связей и подчинение своей воле тех, с кем устанавливается подобная связь» [14, с. 199]. Маг стремится самостоятельно изучить устройство мира, его закономерности и создать набор правил и действий, которые дадут возможность эффективно взаимодействовать с окружающей его действительностью, как естественной, так и сверхъестественной. Именно отсюда и происходит многообразие форм магии, а также возможность сосуществовать с любыми религиозными доктринами.

Список литературы

1. **Боневитс Ф.** Реальная магия / пер. с англ. К. Савельева. М.: Агентство «Фаир», 1998. 304 с.
2. **Гуили Р. Э.** Энциклопедия ведьм и колдовства / пер. с англ. М.: Вече; А. Корженевский, 1998. 672 с.
3. **Крэг Д. М.** Современная магия: теория и практика. Хасон П. Искусство колдовства. М.: Церера, 1994. 544 с.
4. **ЛаВей А. Ш.** Сатанинские ритуалы = The Satanic Rituals. М.: Unholy Words, Inc. (РЦС), 1997. 224 с.
5. **Малиновский Б.** Магия, наука и религия / пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
6. **Мень А.** История религии. М.: Слово/Slovo, 1991. Т. 2. Магизм и единобожие. 216 с.
7. **Райт Г.** Свидетель колдовства. М.: Радио и связь, 1991. 128 с.
8. **Религиоведение:** хрестоматия / под ред. А. Н. Красникова. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 800 с.
9. **Тайлор Э.** Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 572 с.
10. **Танасе А.** Культура и религия. М.: Знание, 1973. 328 с.
11. **Токарев С. А.** Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
12. **Флоренский П. А.** Православие. Вопросы религиозного самопознания. М.: АСТ, 2004. 235 с.
13. **Фрэнгер Дж.** Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986. 704 с.
14. **Шинкаренко В. Д.** Смысловая структура социокультурного пространства: игра, ритуал, магия. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
15. **Cavendish R.** The Black Arts. N. Y.: Penguin Group, 1983. 356 p.
16. **Cunningham S.** Wicca. A Guide for the Solitary Practitioner. St. Paul, Minnesota: Llewellyn Publication, 1988. 241 p.

SPECIFICITY OF MAGIC AS A FORM OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

Popov Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Saint-Petersburg State University of Culture and Arts
teorel@mail.ru

The article analyzes the characteristic features of magic as a form of religious consciousness. Main attention is paid to the features that allow showing a significant difference between magical consciousness and other forms of religious consciousness. It is demonstrated that one of the important peculiarities of magic is borrowing certain doctrinal elements from other religions and endowing them with new semantic content.

Key words and phrases: magic; magical consciousness; religious consciousness; religious experience; supernatural.

УДК 172.4

Философские науки

В статье рассматриваются идеологические основания современных экстремистских течений на Юге России. Анализируются идеи отечественных ученых, зарубежных богословов, региональных конфликтологов, изучающих идеологические основания экстремизма в мире и на Юге России. Северный Кавказ как регион нестабильности требует повышенного внимания со стороны государства, а также консолидации местного общества на основе стратегии социокультурной интеграции.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; терроризм; экстремистская идеология; исламизм; джихадизм; Юг России; социокультурная интеграция.

Попов Максим Евгеньевич, д. филос. н.

Мальцева Виктория Викторовна

Северо-Кавказский федеральный университет

maximus.popov@gmail.com; vika.m2308@gmail.com

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭСКАЛАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА КАК УГРОЗЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», грант Президента МД-7429.2015.6.

Проблема роста экстремизма и терроризма как основной угрозы социокультурной интеграции особенно актуальна для тех регионов мира, в которых наблюдается существенное повышение уровня межэтнической конфликтности, связанное с политизацией культурных и конфессиональных процессов. В Российской